

VIII. Избранный город императора

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*
А.С.Пушкин

Гнев Петра на Ригу прошёл и превратился в благоволение. После сдачи города все надеялись увидеть и приветствовать нового Государя, милостиво оставившего покорённым их религию, язык, права и обещавшего скоро приехать; но моровая болезнь, усилившаяся после снятия осады, замедлила прибытие царя. Вот, что писал И.А.Гельмс, очевидец этих событий: *«Чума всё ещё с каждым днём увеличивается, и, к несчастью, уже люди падают на улицах. Кажется, не хватает живых, чтобы погребать умерших»*.

Мор, свирепствовавший в войсках и городе, сильно тревожил Петра. В своём письме от 11 августа 1710 года он советовал обер-коменданту Риги Аниките Ивановичу Репнину: *«Возможно старайтесь о соблюдении людей и расставьте их реже, не токмо полк от полку далее, но и рота от роты... Дохтуры здесь говорили, чтобы жечь у всякой роты (невеликим огнём, но больше дымом) можжевелник, а буде того нет, то навоз конский или иное что дурно воняет, который дым зело потребен против сих болезней»*.

Под влиянием ли этих профилактических средств, или под действием иных мер воздействия, но в конце концов чума ушла.

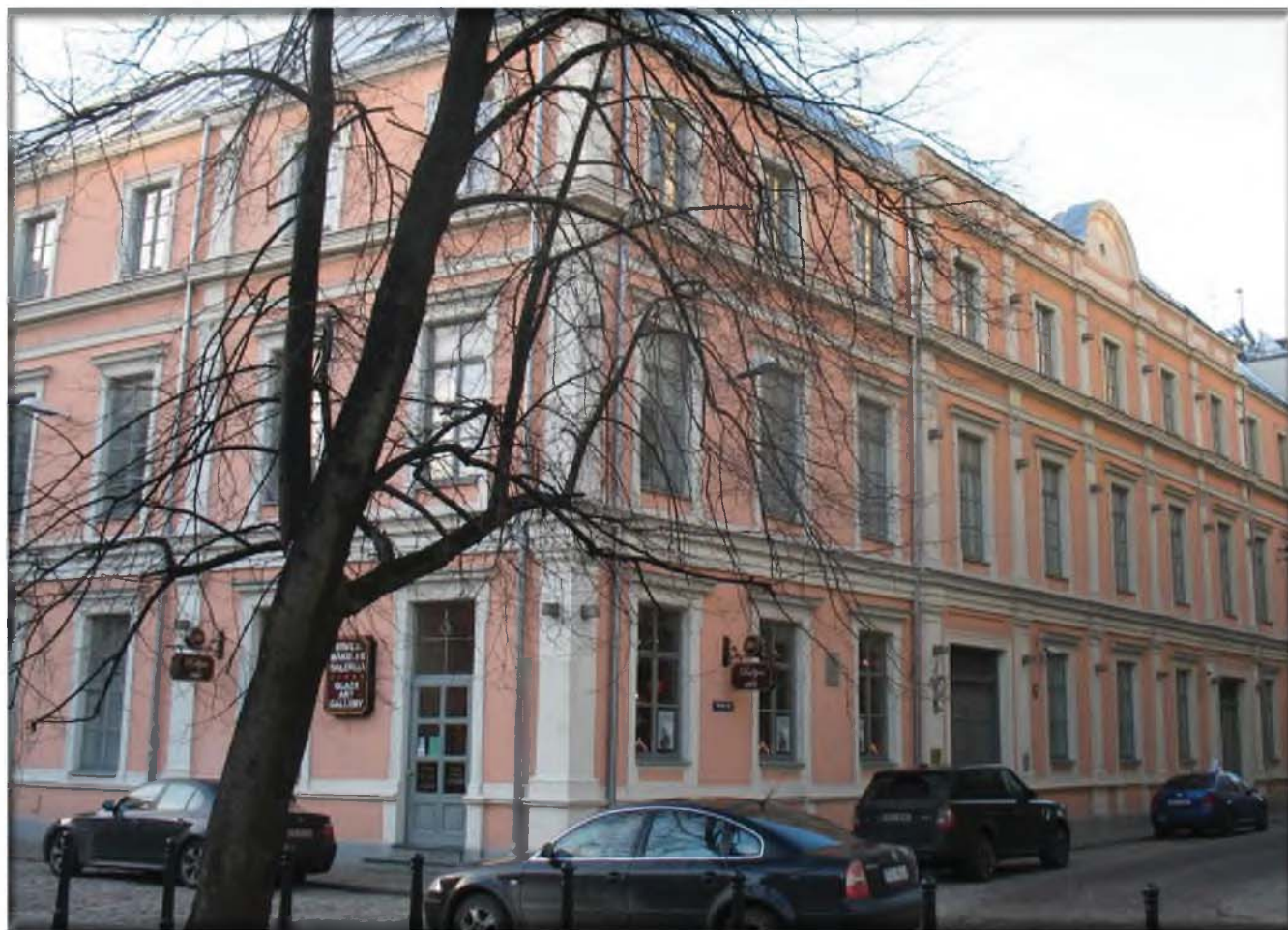
Пётр стремится скорее увидеть покорившуюся ему Ригу. В послании Аниките Репнину от 27 октября он сообщал: *«А лососей рижских в то время отведаем, когда Бог даст сами к вам будем»* и далее: *«P.S. Вин всяких извольте купить больше, ибо зимою, когда мы будем к вам, также и губернаторы наши все туда же съедутся, то с радостью раскупят, и прикажи то питье поставить в таких погребках, где мору не было. Также пиво и полупиво вели приготовить, а пивовар отсель послан»*. С этой поездкой царя не всё ясно. По одним источникам, он всё

же посетил Ригу «отведать лососей», по другим же сведениям, начавшаяся вскоре война с Турцией помешала Петру осуществить это благое намерение.

Город верноподданно желал выразить царю своё глубокое почитание и передал в дар доставшиеся ему, за неимением наследников, так называемые «скорбные дома». Сознывая, что презент не велик, бюргеры извинялись бедностью, до которой довела их война, и вместе с дарственной записью щедро поднесли царю аж 12 копчёных лососей, ящик с лимонами и бочку устриц! Малоизвестный факт: в 1712 году русской казной обер-коменданту Я.В.Полонскому были выделены средства — 5 000 крон — на покупку дома у рижского магистрата. Не правда ли, любопытное поведение

**Пётр I. Гравюра Б.Фогеля с оригинала
Я.Купецкого, 1711 г.**

Дворец Петра (*Palasta iela 9*). Когда-то возле дома был небольшой садик, где росли первые в Риге каштановые деревья (один из этих каштанов ещё сохранялся в начале XX века), помнившую царя большую липу спилили в 1922 году.

царя–оккупанта в завоёванном им городе? Это здание, называемое «Дом Хенненберга», или «Дворец Петра» сохранилось до наших дней. Впоследствии Пётр останавливался в нём всякий раз, когда посещал Ригу.

В очередной раз царь появился 18 ноября 1711 года в десять часов утра вместе с супругой, любимой Екатериной, торжественно сопровождаемый дворянством и горожанами. Магистрат и лица воспели присутствие царя в торжественных одах.

На следующий день после своего прибытия он взобрался на колокольню Петровской церкви, повреждённую бомбой, которую сам Пётр бросил во время осады. Его манил открывающийся оттуда вид на море, всегда чрезвычайно пленявшее его.

21 ноября Пётр почтил своим посещением дом Черноголовых, одно из древнейших строений в городе, и веселился в нём со своей свитой целых

три часа под звуки литавр и труб. *«Царь и его свита были при уходе очень веселы»*, отмечено в протоколе общества. Говорят, что, увидев портрет Карла XII, царь, воскликнул: *«Вот мой брат, научивший меня военному искусству!»* Члены общества Черноголовых постановили в память почётного посещения заказать для своего зала портрет царя. Несколько недель спустя они получили прекрасную картину, писанную царским живописцем Тангауэром, изображавшую Петра верхом, в то время как богиня победы венчала его лавровым венком. Этот портрет обошёлся в 60 червонцев.

Накануне отъезда, 6 декабря 1711 года высокому гостю захотели доставить особенное удовольствие. Известно было, что царю очень нравится церковь Св.Петра, а также то, что он любит потешные огни. Медник–подмастерье, поставивший за три года до этого петушка на шпиле колокольни,

ЛЕГЕНДА ОТ МУЗЫ КЛИО

Подкова Петра Великого

На улице Известковой (Kaļķu iela 20), стоит дом. Обратите внимание на его третий этаж, второе окно слева! Рядом с ним вы увидите подкову, прикрепленную к стене. Легенда гласит, что царь Пётр I проезжал как-то раз по этой улице, и у него расковался конь. Кузнецы, жившие здесь же, быстро подковали царского скакуна. Пётр, обладавший недюжинной силой, взял старую подкову и метнул её, забавы ради, через плечо. Подкова ударилась о стену строящегося дома и... прилипла к свежей штукатурке! По другой версии, она сама слетела с ко-

пыта во время быстрой скачки. В любом случае, впоследствии, её укрепили более основательно, и благополучно провисела она там вплоть до наших дней. Правда, в новых путеводителях по Риге теперь иногда пишут, что это «подкова от коня Карла XII». Оно и понятно, ведь в 2004 г. все мы вступили в Европу, и ясно теперь, что история отныне должна излагаться исключительно политкорректно. Однако прежнюю версию я слышал много раньше и потому рассказываю её вам в оригинальном варианте!

Дом с подковой
Петра Великого

поджёт там на особенном помосте великолепный фейерверк. Тёмной ночью при искусственном освещении и без того прекрасная колокольня была просто великолепна! Царь и его приближённые были приятно поражены и с удовольствием любовались этим замечательным зрелищем.

После отъезда Петра о нём ещё долго говорили. Рассказывали, почему он выкушал рюмку водки у доктора Мартини; когда капитан Лобек угощал его анчоусами и устрицами; с кем он играл на бильярде у полковника Брукендаля; при каких обстоятельствах гражданин Гроте принимал его у себя; как музыкант Гольст со своим хором получил за музыку во время посещения царём дома Черногловых целых 80 рейхсталеров и прочее, и прочее...

К временам этого же посещения Петром Риги относится ещё одна история, достойно характеризующая русского царя: «Об этом происшествии Голиков слышал от своего товарища по торговле купца Ивана Волкова, а Волкову рассказывал в 1765 году сам престарелый владелец гака, бывший в то время в той же самой ратуше ратсгером. Рас-

сказывая, он не мог удержаться от слёз умиления при воспоминании о справедливости, оказанной ему покойным монархом». Справедливость же эта заключалась в том, что Пётр поначалу подарил земельный участок («гак»), принадлежавший этому бюргеру, своему ближайшему сподвижнику Меншикову, но затем, подчиняясь решению рижского Рата, возвратил его прежнему владельцу.

К слову, справедливость — это наиболее часто упоминаемое в старинных рассказах и побывальщинах качество Петра. Да, нередко царь оказывался беспричинно вспыльчивым и даже жестоким. Но каждый раз в преданиях этого типа побеждает чувство справедливости, стоит только Петру узнать истинную причину того или иного поступка. Тотчас его гнев сменяется милостью! Пётр целует и обнимает Лефорта, на которого только что поднял шпагу. Пётр обнимает и просит прощения у одного эстляндского помещика, которого огрел своей тростью, поскольку тот не успел договорить до конца своей фразы: «Казённых лошадей не дам... Дам своих собственных!»

Кстати сказать, жестокость Петра, ставшая уже притчей во языцех, признавалась им самим, как печальная необходимость достижения тех высоких целей преобразования России, которые он считал целью всей своей жизни.

Не осталась не отмеченной и такая необычная для царского сана черта, как бережливость. Широкую огласку получила история о гневе царя на дворянина Корсакова, приехавшего из-за границы, панталоны которого оказались богаче и роскошнее, чем одежда государя. Сам царь гордился своими заплатанными чулками!

Царю понравилось в Риге. Какое расположение он отныне питал к городу, видно хотя бы из того, что немного позднее он повелел полковнику фон Кампенгаузену известить магистрат, Большую и Малую гильдии, а также общество Черноголовых о своих военных успехах и о рождении дочери.

Приехав в следующем, 1712 году, царь остановился в новоприобретённом доме Хененберга на Богадельной улице, который был к тому времени наскоро отремонтирован. От него Богадельная улица получила своё нынешнее название Дворцовой (*Palasta iela*). Царь не скрывал, что намеревается сделать Ригу своей третьей столицей, и потому велел выстроить себе здесь новый дворец и развёл несколько садов: один подвесной на уровне второго этажа у дома Хененберга, другой — Царский сад (*ныне сад Виестура*), а третий — парк на Александровской Высоте (*находился на Саркандаугаве*). Из всех этих садов вид открывался на гордую Двину с плывущими по ней кораблями. Подобная картина была по сердцу Императору. Вид на воды всегда являлся для него важнейшим моментом при устройстве парков.

В 1714 году царь много общался с обер-инспектором и начальником гавани Данненштерном. Их близкие отношения объясняются сильным интересом царя к кораблестроению, морской торговле и к жизни в гавани. Прекрасный дом Данненштерна существует до сих пор (*на ул. Конюшенной, или Mārstaļu iela*) и относится к знаменитейшим домам Риги. Сохранилось любопытное предание.

Согласно ему, одна из дочерей Данненштерна вышла замуж за русского офицера, сватом которого выступил сам Пётр. Он же потом от души веселился на свадьбе в этом доме.

Когда царь в 1716 году опять приехал в Ригу, он находился в мрачном настроении. Его удручала размолвка с сыном Алексеем, который стремился уничтожить всё то, над чем Пётр трудился всю свою жизнь. Этим его состоянием объясняется строгий приговор Государя над бургомистром Брокгаузенем. В доме Меншикова Брокгаузен отозвался в оскорбительных выражениях по поводу обиды, якобы причинённой ему нарушением свободы от постоя. Царь, случайно услышавший эти дерзкие речи, счёл себя оскорблённым и приговорил его вместе с семейством к ссылке в Тобольск. Добавим, что князь А.Д.Меншиков крепко не жаловал Риги и по мере сил старался возбудить недоверчивость царя против рижан. Сам Пётр остался недоволен рижанами за неплатеж податей на содержание в Лифляндии гарнизонов. «*В Риге был мор, однакож на людей, а не на деньги*», — не без юмора высказался он по этому поводу.

Дом А.Д.Меншикова в Риге (*Pils iela 21*)

С тоской все ждали приезда супруги Петра Екатерины, надеясь, что под её влиянием царь успокоится и смягчит приговор. Екатерина приехала несколько дней спустя. Поставленная у ворот стража из бюргеров, которая должна была оказать царице воинские почести, заболталась и не заметила проезжающей кареты с Государыней. Екатерина, от внимания которой не ускользнула эта оплошность почтенных рижских бюргеров, крикнула им ласковым голосом: «Я уже тут, добрые люди!» Благодаря её влиянию с семьей Брокгаузена обращались хорошо и разрешили ей остаться в Риге.

В дальнейшем Пётр отправился в Кёнигсберг, где его приветствовала депутация, состоявшая из балтийских студентов, от имени которых сын сосланного Брокгаузена сказал речь. Когда же царь позволил ему выпросить себе милость, он попросил об освобождении отца. Пётр обещал исполнить эту просьбу, но к прискорбию, рижский бургомистр уже скончался по дороге в Сибирь.

В 1721 году Пётр с супругой опять посетили Ригу. Это был его последний приезд. Мрачное душевное настроение, так угнетавшее всех в прошлый раз, прошло. Всем бросались в глаза его умственная свежесть и то наслаждение, которое он находил в труде. Его увлекали разнороднейшие предметы. Рядом с кораблестроением, смотрами, законодательными вопросами и работами по фортификации он занимался планировкой и устройством своих любимых садов. Говорят, что прекрасные дубы в Эйхенгейме и роскошные деревья в саду Гутцейта на Выгонной дамбе были посажены Петром (*точное место утеряно*). Зато известен вяз, собственноручно посаженный им в Царском саду, который увы, погиб от голландской болезни летом 1971 года. Прекрасная аллея в саду Виестура (*Царском саду*), поднимающаяся в виде свода над гуляющими, состоит из лип, выписанных Петром из Голландии. Известно, что он приказывал доставлять из окрестностей Риги тысячи деревьев и давал распоряжения относительно украшения городских парков. Очень часто он сам принимал участие в работах. Когда царь отдавался своим любимым занятиям,

тотчас прекращались всякие церемониалы, и он запросто бывал у многих бюргеров. Утомившись от трудов в Царском саду, Пётр запросто заходил на дачу Шварца на Выгонной дамбе и отдыхал там. В семье Шварца долгое время сохранялся бокал, из которого царь обыкновенно пил во время своих посещений. Второй бокал, употреблявшийся Петром в другом бюргерском доме, составлял собственность большой гильдии. Из этого же прибора пил Император Александр I, будучи в 1802 году гостем в доме дворянского собрания в Риге.

В тот год царь часто посещал Петровскую церковь, прекрасная колокольня которой так ему нравилась. В простой одноколке Пётр разъезжал по улицам города. Иногда он останавливался, если замечал что-то интересное, или если ему что-нибудь не нравилось. Рассказывают, что иные даже свели короткое знакомство с его знаменитой дубинкой.

Несчастье, постигшее собор Св.Петра, привлекло царя в этот храм. В мае 1721 года молния уда-

Стекланный бокал с гравированным изображением Св.Георгия. Им пользовался Пётр I, когда посещал Ригу в 1711 году.

рила в колокольню, которая загорелась, и огонь быстро уничтожил внутреннее убранство церкви. Пётр послал за войсками, а сам бросился помогать тушить пламя. Во время пожара он молился у ступеней алтаря. Царь удалился, лишь уступая просьбам своих приближённых, и вслед за тем колокольня обрушилась и разрушила всё. Пётр принял искреннее участие в этой беде, постигшей город. Он приказал магистрату прислать ему рисунок церкви, её историю и всё допытывался, куда девались предметы, вложенные в яблоко на колокольне, и в чём они состояли. Пётр чрезвычайно обрадовался, когда ему поднесли рисунок башни, сделанный знаменитым впоследствии инженер-генералом и полководцем Бурхардом-Христофором Минихом, который находился тогда в царской свите и за несколько дней до катастрофы срисовал из окон своей квартиры понравившуюся ему колокольню. Именно этим рисунком Миних положил начало своей блестящей карьере. Пётр тогда же издал особый Указ о реставрации храма.

В 1723 году прошёл слух, что царь опять приедет в Ригу. Начались приготовления к его торжественному приёму. Предполагалось воздвигнуть

триумфальные ворота со скульптурными украшениями, сочинить и отпечатать на белом атласе приветственные стихи. Но ждали напрасно, хотя и рассчитывали на следующий год. Неожиданно в 1725 году пришло известие, что царь скончался.

Рижский историк К.Меттих писал в 1910 году: *«Печаль была общая и искренняя. И наш город чувствовал, что он много потерял со смертью Петра Великого. Хотя новые времена были тяжкие, и оригинальная натура царя иногда вызывала неудовольствие, однако все в городе были убеждены в том, что Пётр не только благосклонно относился к своеобразию жителей, но и старался способствовать дальнейшему развитию найденной им здесь культуры. Лежащая в основе его характера доброта не могла остаться незамеченной бюргерами Риги и убедила их в том, что великий царь их не только понимает, но и любит».*

В конце жизни Пётр действительно искренне полюбил Ригу и пользовался здесь особой популярностью, что доказывают многочисленные истории и легенды, сохранившиеся о нём в самых различных кругах городских обывателей.

ЦИТАТА ОТ МУЗЫ КЛИО

**Газета «Рижский Вестник»
№154, 10 июля 1910 года.**

**«К 200-летию нахождения
Прибалтики под скипетром
русских самодержцев».**

«И без того малолюдный край, благодаря частым войнам тевтонского ордена с русскими князьями, магистра с рижскими горожанами, немцев вообще, со шведами и поляками, к началу XVIII столетия представлял из себя нечто невообразимо убогое и жалкое. За 200 лет край обогатился, расцвёл и, как по культурному так и по блестящему состоянию торгово-промышленного класса, составляет одну из жемчужин в короне русских царей. Можно только пожалеть, что в этом благосостоянии

и в культуре русским людям, за всё время пребывания их в этом крае, уделялось весьма мало места. Но такова уж русская натура: благодетельствовать других, заботиться о чужом благосостоянии, а себя самих, свои кровные интересы и законные права отодвигать на задний план, а то и вовсе про них забывать. Яркие доказательства этому даёт вся двухвековая история отношений и русской власти, и русского общества, vystупившего на арену некоторой самостоятельности лишь с начала 60-х годов прошлого столетия, к местным прибалтийским делам.

Первым актом Петра I, по сдаче его войскам Риги и Ревеля, было подтверждение, так называ-

емых, аккордных пунктов т.е. подробного расписания разных прав и преимуществ для дворянства, духовенства, земских и городских сословий, правда, с предусмотрительной оговоркой о том, чтобы дальнейшее сохранение этих прав и преимуществ зависело от усмотрения верховной власти в России.

Вплоть до Екатерины II, русские цари щедро раздавали Прибалтике, в лице её правящих сословий (нерусских по происхождению и антигосударственных по убеждениям), такие льготы и преимущественные права, которые впоследствии страшно мешали (да и теперь ещё сильно препятствуют) нормальному течению объединительного процесса».